ской битве их фольклорные источники.[27] Хрущов утверждает, что существовала былина следующего содержания, реконструируемая из некоторых начальных эпизодов «Сказания о Мамаевом побоище»: Дмитрий узнает о том, что Мамай-князь движется на Москву. На пиру у тысяцкого Микулы он стал вызывать охотников идти к татарам добывать языка. Вызвались крепкие юноши, крепки оружники: Родион Ржевский, Андрей Волосатый и Василий Туник. Князь послал их на Быструю Сосну, они замедлили в поле, и тогда были посланы трое других, встретившие Туника, который возвращался с недобрыми вестями; в частности, он должен был передать хвастливые угрозы Мамая. Выслушав сообщение, Дмитрий обращается с речью к князьям, те ему отвечают и т. д.[28]

Права В. П. Адрианова-Перетц, когда замечает по поводу утверждений Хрущова, что «следов такой ста́рины не сохранилось, что же касается самой картины пира, то она далека от обычной былинной ситуации».[29] Вполне возможно, конечно, что, создавая первые эпизоды «Сказания», автор прибег к условному повествовательному приему, опираясь при этом на традицию как былин, так и книжных повестей. Но нетрудно заметить, что вся ситуация в целом и в ряде подробностей не соответствует былинной. Былинный князь не посещает чужих пиров, а устраивает их сам. О появлении татар он всегда узнает через татарского посла, являющегося в город. Можно было бы и дальше проследить, что сходство в повествовании оказывается, в сущности, мнимым. Разумеется, никаких оснований нет для предположений о существовании былины с таким сюжетом.

«Эпическую основу» Хрущов склонен видеть также в плаче княгини в «Сказании», «несмотря на его книжный характер». В словах княгини о сыновьях «еда поразить их солнце сияющи или ветр их подвевает противу запада — обое не могут терпети» — Хрущов усматривает «распространенную переделку обычного в былинах выражения: их солнышко не опекает и буйные ветры не обвеют».[30] Такого рода наблюдения интересны лишь в том случае, если они не ведут к крайним и односторонним выводам.

Столь же необоснованной является мысль И. Хрущова о том, что «Задонщина» представляет собой письменную обработку песен славы или гусельных словес.[31]

Выше уже приходилось говорить, что специфический тон произведения, его поэтический пафос, яркая образность объясняются отнюдь не прямым влиянием фольклора. Что же касается «песен славы», то упоминание их в «Задонщине» — это чистая условность, не связанная ни с какими реальными современными представлениями автора

Сравнительно скудные данные, которые могут быть извлечены из литературных памятников конца XIV—XV в., не позволяют составить ясного представления о том, как отразилась Куликовская битва в фольклоре. Но некоторые выводы в итоге анализа всего материала можно сделать. Очевидно, что своеобразным откликом на события 1380 г. явился целый ряд народно-поэтических произведений, созданных ранее этого события и по другим поводам. То, что произведения русского героического фольклора

---

[27] И. П. Хрущов. О памятниках, прославивших Куликовскую битву. — Труды третьего археологического съезда в России, том второй. Киев, 1878.

[28] Там же, стр. 282.

[29] В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания, стр. 207.

[30] И. П. Хрущов. О памятниках, прославивших Куликовскую битву, стр. 282.

[31] Там же, стр. 283.